взаимосвязи и плодотворном взаимопроникновении в афирмации и продвижении национальной культуры и национальной идентичности. Однако предотвращение и подавление тех диктатов и отстранение отрицательных последствий глобализации не может реализоваться только путем прямого сопротивления, т.е. путем антиглобалистских акций во всем мире (они полезные, но недостаточные). Необходимы и положительные организованные политические акции и шаги тех государств и цивилизационных групп, которые являются мишенью деструктивной глобалистской экспансии. Если не существует связи и совместного противостояния региональных и альтернативных центров глобализации, сами протесты и спонтаные массовые сопротивления людей не станут сдерживающм фактором расширения экспансионистского глобализма США и транснационального капитала с главными центрами в США. Поэтому Дугин выступает за глобализацию и модернизацию, но на мультиполярной базе (что подразумевает и ядерную мультиполярность), которая сохраняет государственную независимость, целостность и культурную специфику различных государств, регионов в мире. Дугин конкретно приводит несколько цивилизационных кругов, которые могли бы формироваться в мультиполярной глобализации: Евроазия (с Россией как самым большим государством), Европа, Латинская Америка, мусульманский мир, Китай и страны Дальнего востока, Индия, Африка и т.д. В этих рамках новой мультиполярности должен быть превозойден страх маленьких государств от того, что в отдельных регионах возобновятся старые империальные творения, которые отменят идентичность маленьких народов. Наоборот, в мультиполярной глобализации эта идентичность множества маленьких национальных энтитетов может поддерживаться и освобождаться, поскольку в мультиполярных цивилизационных кругах в прошлом отдельные этносы сохранялись на протяжении тысячи лет, а в новейшее время им грозит уничтожение из-за расширения деструктивного униполярного глобализма, в фундаменте которого лежат корпоротивные интересы неолиберальных государств.

Перевод с сербского языка: Стефан Милошевич

Источники и литература

1. *Дугин, А.Г.* Интервју / А.Г. Дугин // Национални интерес. – 2006. – № 1. – ИПС, Београд.

2. *Милошевић-Ђорђевић, Ј.* Схватања националног идентитета у Србији / Ј. Милошевић-Ђорђевић // Национални интерес. – 2005. – № 1. – С. 173 – 194.

УДК 930.85

З. Милошевич

ИСЛАМ И НАУКА

Работа выполнена в рамках научного проекта «Демократические и национальные возможности политических институций Сербии в процессе международной интеграции» (179909) при финансовой поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербия

Данная статья посвящена изучению совместимости ислама и науки. Результаты последних исследований на эту тему говорят о том, что вклад мусульман в развитие мировой науки невероятно мал, менее одного процента, хотя каждый пятый житель планеты сегодня – мусульманин.

Ислам, наука, государство, институции, политика, национальная идентичность, цивилизация, интеграция.

Research of the author is devoted to compatibility of Islam and science. Results of the recent researches on this subject say that the contribution of Muslims to development of world science is incredibly small, less than one percent, though every fifth inhabitant of a planet today is the Muslim.

Islam, science, state, institutions, policy, national identity, civilization, integration.

Начало спорам о совместимости ислама и науки, по мнению Халеда Фуада Алама, положил семитолог и историк Эрнест Ренан (1823 – 1892), профессор Коллеж де Франс, своей знаменитой лекцией под названием «Ислам и наука», которую он прочитал 29 марта 1883 г. в Сорбонне. Ренан тогда выразил мнение, что позитивистская наука и дух ислама несовместимы. Джемуладин ель-Афган – отец мусульманского реформизма, – который в то время находился в Париже, направил Ренану публичный ответ в знаменитой вступительной статье газеты *"Journal des Débats"* 18 мая того же года, утверждая, что научное отставание ислама никак не связано с его фундаментальными принципами, но стало его историческим следствием [7, с. 75]. К тому же заключению приходит и Раде Божович, который подчеркивает, что в первой половине XIX в. арабские мыслители, как и эль-Афган и Мухамед Абдух, горячо спорили с Е. Ренаном и его утверждением, что семитская, а особенно арабская, культура и даже язык окаменели [9, с. 126]. Полемика не утихает до сих пор. Напротив, позиции, которые Ренан и Афган как зачинатели

полемики об отношении ислама к науке заняли в споре по этому вопросу и сегодня остро, пламенно противостоят друг другу, с определенными, однако, признаками послаблений со стороны ислама. В первую очередь о послаблениях можно говорить, судя по ситуации в Иране (речь идет о шиитах, у которые и ранее присутствовала рационалистическая традиция в философии со времен древней Персии, однако скорее как черта национального характера, нежели как влияние ислама), затем – в Турции (сунниты), где растет значимость технических наук, а в новое время и ваххабитская Саудовская Аравия также частично идет на уступки: ее правительство выделило одному университету при его основании 20 млрд дол. на открытие программы рационалистического образования и научных исследований. Однако уверенно говорить о том, в каком направлении будет развиваться ситуация, сейчас не представляется возможным. Очевидно одно: и Запад, и Восток Европы с сомнением относятся к вопросу об отношении ислама к науке.

Сомнения провоцируют не только пресловутая западная скептичность, но и сами авторы из исламского культурного круга. Например, Ан-Надави в своей монографии *«Что потерял мир из-за стагнации мусульман»* утверждает, что наука — это «европейский путь к самоубийству» [10, с. 281]. Конечно, Запад и западные ученые не разделяли такого мнения, критикуя исламских авторов не только из-за подобных высказываний, но и из-за традиционно связываемых с мусульманством проявлений терроризма, из-за отношения к женщинам и т.д. Некоторые западные ученые и педагоги использовали относительное и полное снижение мусульманских инновационных мощностей, чтобы с удвоенной силой призывать мусульманское общество к секуляризации (что приравнивается к понятию модернизации), т.е. к полному и окончательному расхождению науки и всех религиозных основ. Часть их аргументов основана на той (ошибочной?) предпосылке, что ислам и научные методы полностью противоречат друг другу. Она отправляет к немецкому социологу Максу Веберу и его утверждению о том, что исламу не хватает собственных основ для истинного научного исследования [10, с. 259]. Кроме того, Вебер также утверждал, что «Популярные религии Азии (ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство) не содержат мотивы или ориентации рационального и этического моделирования мира в соответствии со своими религиозными заповедями», а значит, «представляют собой препятствие для развития государства» [17, с. 33].

«Эту позицию Вебера укрепляет еще и то, что мусульманские теологи подчеркивают: основная цель познания в исламе – демонстрация истинности идей Корана, что свидетельствует о приобретенном исламом иммунитете к рационалистическому дискурсу», – подчеркивает Алави [5, с. 130]. В то же время, исламская мысль и далее ротируется и вертится внутри системы знаний, чьи существенные черты фиксированы и неподвижны, утверждает Алави [5, с. 130].

Вклад ислама в науку во время «золотого века ислама» – правда или миф? Когда речь заходит об отношениях ислама и науки, мусульманские теологи, будто по неписаному правилу, настаивают на том, что эта религия соглашается с наукой, и подчеркивают вклад мусульманского мира в науку во время «Золотого века ислама». Конечно, у такой позиции есть много противников, которые оспаривают ее, приводя различные аргументы. Процитируем здесь слова профессора Халиби, перса и шиита, который утверждает, что есть все основания для сомнений в паритетности отношений ислама и науки: «Многие мусульмане на заре исламской веры были убеждены в том, что ислам уничтожит все то, что было раньше него», и что «ничто, кроме Корана, недостойно чтения». При таком подходе они, вероятно, считают необходимым сжечь книги греков и персов в Александрии и на Форосе. Когда мусульмане захватили форосские города и получили доступ к их книгам, Са'д ибн Эби Веккас написал письмо Омару ибн Хаттабу с вопросом, как поступить с этими книгами. Ответ был таков: «Выброси все в воду, ибо если в них направляющая истина, Аллах Великий направил нас большей истиной, если в них заблуждения, Аллах оставил нам их достаточно». Потому мусульмане сосредоточились на тех науках, которые были необходимы им на заре ислама: таких, как кирает (учение) и толкование Корана, тафсир, фикх и т.п., а так же науках, необходимых для построения логических выводов и верного понимания как фикха, так и в целом языка, событий, походов, путешествий и т.д. [5, с. 103]. В объемной монографии «*Ислам и Иран, взаимный вклад»* одного из самых авторитетных авторов – Мортаза Мутаххари – отрицается утверждение о том, что мусульманские завоеватели сжигали библиотеки в Иране и Египте. Мутаххари пишет: «Один из вопросов, которые нужно рассмотреть в рамках проблемы отношений Ирана и ислама, – предположительное сожжение иранских библиотек мусульманскими завоевателями. Уже около полувека основательно распространяется эта пропагандистская идея, вплоть до появления подобных сведений в учебниках для средней и старшей школы, в которых должны бы были приводиться исключительно исторические факты; совершенно недопустимо навязывать молодым людям в период их интеллектуального становления подобные сведения сомнительной правдивости. Если мы будем воспринимать утверждение о том, что мусульмане и правда сожгли библиотеки в Иране и Египте, как исторический факт, тогда можно утверждать и то, что ислам по своей природе деструктивен, а не созидателен» [17, с. 195]. Автор ничем не подтверждает свое убеждение в том, что мусульмане не уничтожали книги и библиотеки завоеванных народов. Если рассматривать этот вопрос с позиции исторического опыта взаимоотношений сербов с исламским миром, Мутаххари скорее не прав, ведь мусульмане уничтожили не только сербские, но и болгарские, греческие, румынские и иные средневековые библиотеки и книги, а, кроме того, даже и города, монастыри и государственные архивы; то же произошло и в Боснии и Герцеговине.

Именно вышеизложенные утверждения о сожже-

нии книг народов, покоренных мусульманами, приводят многочисленных авторов, таких, как, например, Вадим Давыдов, к мысли о том, что мусульманский «Золотой век» – это миф [2]. А именно, по убеждению мусульманских теологов, «Золотой век ислама» длился до середины XII в., когда исламскому теологу аль-Газали позволили утвердить приоритет веры над разумом, или, по мнению некоторых других мусульманских богословов, когда в 1258 г. монголы разорили Багдад. Больше всего мусульманских ученых работали в период халифата Абассидов. Давыдов же считает, что большинство ученых золотого века составляли не мусульмане, а представители иных религий, и только малая часть ученых исповедовала ислам. Такие данные можно найти и в Википедии, которая утверждает: «Ученые в мусульманской цивилизации были разных национальностей. Большинство составляли персы [11, с. 363], затем арабы, мавры, ассирийцы и египтяне (копты). По вероисповеданию это в основном были мусульмане, однако были также и христиане, и евреи» [12]. Статья об отношениях ислама и науки еще не написана, хотя в тексте, который мы цитировали, имеется ссылка на нее.

В заключении своего исследования русский ученый Вадим Давыдов приходит к выводу о справедливости утверждения, что «мусульманским» ученым Золотого века нельзя отказать в наличии важных достижений в области науки и техники, как и в том, что они внесли в фонд знаний человечества значительный вклад. Но «**научные достижения появляются как кульминация полученных знаний, а не как следствие 'чудесных' открытий, обеспеченных религиозными и культурными условиями**». Широко известно, что западные ученые, появившиеся на научной арене после исламского «Золотого века», например, Френсис Бекон и Исаак Ньютон, были знакомы с трудами своих «мусульманских» предшественников. Однако сегодня мусульманские авторы преувеличивают значение своего Золотого века для современной науки. Этим преувеличением они хотят возвысить мусульманскую культуру и нивелировать вклад других культур (до наступления Золотого века и в сам период). Таким образом, хотя мы и не можем оспаривать наличие определенного научного прогресса во время «Золотого века ислама», это прогресс не привел исламский мир к значительному росту ни технического уровня развития, ни культурного, что произошло благодаря научному прогрессу на западе, в России, Китае или Индии. «**Факт остается фактом: правоверный ислам душит интеллектуальную, рациональную мысль и аргументацию»**, – утверждает Давыдов [2]. А кроме того, успехи Золотого века нельзя в полной мере назвать мусульманскими, они в большей мере принадлежат ученым других культур, которые жили и работали под властью ислама. Правомерно даже утверждать, что прогресс «Золотого века» имел место вопреки желанию и стремлению мусульманских теологов и духовных сановников. Достаточно убедителен пример Ибн Сины, известного мусульманского (шиитского) философа и врача, которого сильнее всего критиковали суннитские богословы. Ибн Сину критиковали за неоплатонистские взгляды, использование свиных органов в медицинских экспериментах, а сегодня его обвиняют еще и в атеизме. В то же время судьба Ибн Сины постигла и многих других «мусульманских» ученых, которых обвинили в ереси и отступничестве от веры.

Не секрет также, что арабско-исламская наука представляет собой, в большей или меньшей мере, коллекцию заимствованных знаний. Давыдов подчеркивает, что индийские цифры были заимствованы у армян и индусов, а «арабская философия» – результат межкультурного диалога и та цена, которую вынуждены были платить завоеванные мусульманами народы [2].

Соглашается с Давыдовым и Максат ат Тарази, который предостерегает воодушевленных защитников исламской науки от излишнего энтузиазма в описании великих научных открытий мусульман, живших в период «Золотого века». «Их основной тезис состоит в том, что мусульмане в то время якобы предложили много важных технических решений, а кроме того оставили после себя большое теоретическое наследие, которое и открыло мусульманскому миру путь в науку [6]. Однако сегодня, когда исламский мир находится на запасном пути цивилизации, многие мусульмане концентрируются на прошлом, исключительно чтобы компенсировать сегодняшнее маргинальное положение", – утверждает Максат ат Тарази [6].

Тем не менее, даже такая пропаганда «Золотого века ислама» не способствовала тому, чтобы мусульмане сегодня охотно приняли науку, что подтверждается современным большим отставанием науки в этой части цивилизованного мира от западных стран, России, Китая или Индии. По результатам своих исследований Первез Худбхои (пакистанский физик, профессор университета в Исламабаде, автор трудов о связи науки и ислама, которые в 1991 г. он опубликовал в книге под заголовком «*Ислам и наука, религиозная ортодоксия и борьба за рационализм*») утверждает, что **мусульмане исключительно мало привносят в развитие мировой науки, менее одного процента от общего вклада, хотя каждый пятый житель планеты – мусульманин** [6]. В одном маленьком Израиле в два раза больше ученых, чем во всех мусульманских странах вместе взятых. Как же могло произойти так, что когда-то ислам (в том самом, так называемом, Золотом веке) прочно ассоциировался с прогрессом и развитием науки, а сегодня прочно связывается в сознании мирового сообщества с отсталостью и даже антинаучными взглядами?

Объяснений этому феномену может быть много, как и, в целом, причинам регрессии в мусульманском обществе; в числе этих объяснений приводятся даже такие мнения: негативное отношение ислама к науке укрепилось тем, что большая часть мусульманских территорий в XIX и XX вв. (за исключением Турции и Хаджаза) находилась под оккупацией Англии и Франции (почти весь арабский мир).

И сами мусульмане нередко, несмотря на то, что отдельные представители этой культуры некритично призывают сконцентрироваться только на славном прошлом, иначе видят «Золотой век ислама». В исламском средневековом мире науки, включая в это понятие и философию, понимаются в целостной совокупности. Каждая научная дисциплина рассматривается только в рамках ее взаимоотношений с другими дисциплинами, как ветви одного дерева. В этом контексте самые известные ученые в исламской цивилизации – это эрудиты, историки, называемые «хаким», что значит «мудрец». Их роль в распространении науки неоспорима.

«Хаким» часто был и поэтом, и писателем, настолько же подкованным в медицине, насколько и в астрономии и математике. Эти разносторонне одаренные мудрецы были центральными фигурами **исламской науки**, они разработали и реализовали на практике принцип единства наук. Они обеспечили научное развитие своими открытиями и воплотили научные принципы в своих исследованиях лучшим из возможных путей [16].

Возобновление дискуссии об отношении ислама к науке. Но «Золотой век ислама» прошел, а дискуссии о величине вклада мусульман в науку продолжаются и сегодня. Век спустя, обсуждение вопроса о взаимоотношениях ислама и науки возобновилось с новой силой в исламском мире, и, судя по числу статей и комментариев в блогах и на форумах, не собирается в скором времени останавливаться. По мнению многих, «эта тема в последнее время заняла важное место на многих важных мусульманских симпозиумах и конференциях» [14]. На одном из форумов, посвященном исламу и науке, в Боснии и Герцеговине поднимался и такой вопрос: «Нам не нужны общие разговоры о причинах упадка мусульманской науки, нас интересует, почему сегодня почти ничего из исламского мира не может сравниться с научными достижениями Запада» [13].

Ответ на этот вопрос волнует и других мусульман, и тут на помощь всему мусульманскому миру (в том числе и Боснии и Герцеговине) пришла Саудовская Аравия, опубликовав брошюру уважаемого исламского теолога Эмира Шекиба Арслана «Почему мусульмане регрессировали, когда остальной мир развивался». По просьбе некоторых уважаемых персон из Саудовской Аравии это автор написал упомянутую брошюру, в предисловии к которой Мухамед Решид Рида попытался объяснить, как случилось так, что «король красноречия» написал собственным пером для Эль-Менар (газета — примечание автора) рассуждение на тему причин слабости мусульман в наше время и причин силы, влиятельности, господства и богатства европейцев и японцев [8, с. 7].

Эмир Шекиб Арслан констатирует, что «регресс и слабость мусульман распространяется не только на территорию острова Ява и Малайских островов, он не лоцирован в каком-то конкретном месте, но этот упадок охватил и восток, и запад мусульманского мира. Различие состоит лишь в степени регресса: некоторые пали низко, другие практически опустились на дно, остальные находятся в большей или меньшей опасности. Иначе говоря, современное положение мусульманского мира, в особенности в XIX веке, но и в XX веке также, не может удовлетворить и самых активных приверженцев ислама, не говоря уже о тех, чье мнение непредвзято» [3], [4], [8].

По Арслану, **важнейшие причины стагнации мусульман – это невежество, то есть недостаточное знание. Затем моральная испорченность, страх и трусость, отчаяние и безнадежность, и закоренелый консерватизм** [8, с. 27 – 32]. **Интересно то, что Арслан отрицает, что мусульмане отстают из-за отсутствия науки**. «Глупец тот, кто скажет: да, это было до того, как европейцы изобрели новые военные орудия: до пушек, танков, самолетов и до того, как европейцы достигли сегодняшней мощи, которая основывается на науке! Такие слова – полная глупость и безумие, так как у каждого времени – соответствующая наука, занятия и цивилизация, как и у времени сегодняшнего. <...> Материя сама по себе не может ничего произвести, то, что она создает – дух, а когда дух сопровождает вдохновение и когда пробуждается решимость, тогда легко находятся танки, самолеты, пулеметы, подводные лодки и все военные орудия. Говорят, что для этого необходима современная наука, которой у мусульман нет, поэтому европейцы могут то, чего не могут мусульмане. Ответы на это следующие: во-первых, современная наука зависит от идеи и предприимчивости; как только они появятся, возникнет и современная наука, и современные занятия. <...> Во-вторых, было ли такое, когда какой-либо мусульманский народ искал новое орудие или оружие, и не нашел его? Главное – воля, и когда она есть, достичь цели легко» [8, с. 29].

Таким образом, дискуссия об отношении ислама и науки пришла и в Боснию и Герцеговину, точнее, в Сараево. Мнения, которые здесь высказываются, во многом отражают общие размышления в исламском мире об отношении ислама и науки. Так, в предисловии к монографии Мехмеда Садовича, «*Ислам и наука: Бог есть, и он предостерегает людей: религия и наука, два союзника в борьбе за выживание и развитие человека на земном шаре*» академик Мухамед Филипович пишет: «Эта рукопись меня заинтересовала, так как у нас чрезвычайно редко ставится данный вопрос» [18, с. 5]. Другими словами, из этой цитаты ясно, что и мусульмане в Боснии и Герцеговине не отличаются от других мусульман (прежде всего, арабов), когда речь идет о размышлении об отношении ислама к науке. Далее, Филипович говорит, что ему было любопытно посмотреть, «под каким углом мусульманский интеллигент сегодня смотрит на отношение ислама и некоторых типичных западноевропейских институций, каковой является современная наука» [18, с. 7].

Проблема для мусульманского интеллигента, когда ставится вопрос отношения ислама к науке, в том, что «Коран заявляет истины и не доказывает их, а наука вынуждена, во-первых, установить предмет, о котором говорится, а затем доказать то, что о нем утверждает, что должно быть проверено и экспери-

ментально. Коран ссылается на силу Божью, которая является бесконечной и как таковая может быть доказана не в человеческом опыте, а в чуде и в единстве судьбы мира и человечества» [18, с. 8].

Второй автор предисловия к монографии Мехмеда Садовича, доктор Салих Фочо, преподаватель Философского факультета Сараевского университета, подчеркивает, что эта книга – «первенец» [18, с. 12]. Это определенно дает основания полагать, что тема отношения ислама к науке не исчерпана. Это подтверждает и сам автор, который во введении своей книги говорит: «Много времени я провел в поисках этих ответов (об отношении ислама к науке – З.М.). Я искал их и у священнослужителей, и в литературе. Я убедился в том, что священнослужители обычно не знают ответов, и даже боятся вступать в обсуждение некоторых вопросов» [18, с. 15].

Садович указывает, что Запад в свое время перенял рационализм у ислама (что является спорным) и констатирует: «И в то время как Запад двинулся гигантскими шагами вперед, до тех пор, до вчерашнего дня прогрессивный исламский Восток сорвался в примитивизм и отсталость» [18, с. 29].

Подобным образом размышляет и перс, профессор Халиби, шиит, в своей действительно профессионально написанной монографии. Он говорит, что работал над книгой «с надеждой, что однажды мусульмане примут истины и 'что не забудут свой удел от дуньи', чтобы не отстать от каравана, называемого цивилизацией, материальной и духовной культурой народа, чтобы снова взять на себя свою научную и культурную миссию, как и раньше, и чтобы решительно двинуться вперед» [11, с. 15].

Источники и литература

1. *Бус, Е. Андреас* Макс Вебер и Азија / Е. Андреас Бус // Градина. ЈУНИР, Ниш, 1994.
2. *Давыдов, В.* Правда о достижениях мусульманских ученых Золотого Века / В. Давыдов. – URL: http:// islamuncovered.info/truth_about_the_golden_age_of_islamic_ science/
3. *Милошевић, З.* Етно конфесионални идентитет Срба у «Дневном авазу / З. Милошевић, А. Мировић // Национални идентитет и религија ; пер. Зранм Милошевић; Живојин Ђурић, Институт за политичке студије. – Београд, 2013.
4. *Милошевић, З.* Компаративна анализа ставова «Дневног аваза» о Европској унији и Турској за период од 1. септембра до 10. новембра 2013. године / З. Милошевић // Политичка ревија. Бр. 4. – Београд, 2013.
5. *Степанянц, М.Т.* Ислам в философской и общественной мысли зарубежного востока / М.Т. Степанянц. – М., 1974.
6. *Тарази, Максат ат* Причины расцвета и заката науки в исламском мире / Максат ат Тарази. – URL: http://jamagat.kz/index.php/analitika/11-prichiny-rastveta-izakata-nauki-v-islamsko... 10. 12. 2013.
7. *Alam, Haled Fuad* Globalni islam / Haled Fuad Alam // Službeni glasnik. – Beograd, 2012.
8. *Arslan, Emir Šekib* Zašto su muslimani, nazadovali a drugi napredovali / Emir Šekib Arslan // Visoki saudijski komitet za pomoć BiH i Kulturni centar „Kralj Fahd“ u Srajevu. – Sarajevo, 2000.
9. *Božović, R.* Progonjeni islam / Rade Božović, Ivan Kostić Ejub, Mirjana Teodosijević // Utopija. – Beograd, 2013.
10. *En-Nedevi* Šta je svijet izgubio stagnacijom muslimana / En-Nedevi, M. Mašić. – Sarajevo, 2003.
11. *Halibi, Ali Asgar* Historija islamske civilizacije / Ali Asgar Halibi // IBN SINA. – Sarajevo, 2010. – Str. 103.
12. URL: http://sh.wikipedia.org/wiki/Islamska_nauka
13. Islam i nauka. – URL: http://www.klix.ba/forum/islam-i.nauka-t74653.html-f=6&start=100
14. Islam i nauka. – URL: http://www.nur-islam.com/ index.php?view=article&catid=57%3Akuran-i-nauka 24. januar 2009.
15. Islamska nauka. – URL: http://sh.wikipedia.org/ wiki/islamska nauka
16. Kratak pregled najznačajnijih islamskih naučnika i predstavnika islamske civilizacije. – URL: http://www. islam.co.ba/nauka/index.php?subCTION=OSTALO&ID=10707 45147
17. *Motahhari, M.* Islam i Iran, uzajamni doprinosi / M. Motahhari // Naučnoistraživački institut „Ibn Sina“. – Sarajevo, 2008.
18. *Sadović, Mehmed* Islam i nauka: Bog postoji i opominje ljude: religija i nauka, dva saborca u borbi za opstanak i razvitak čovjeka na zemaljskoj kugli / Mehmed Sadović // Prosperitet d.d. – Sarajevo, 2012.

УДК 94(4)

М. Субботич

СВЯТОЙ САВВА И СЛАВЯНСТВО

Данная статья посвящена периоду сербского ренессанса. Рассматривается деятельность Святого Саввы, ее влияние на культуру, развитие и политику европейских государств. Большое значение имеет труд святого Саввы – «Кормчая» – как важный памятник, содержащий свод законов для православного человека.

Сербия и Россия, Святой Савва, православная Церковь, «Кормчая», законы.

The article is devoted to the period of Serbian Renaissance. The paper considers the activity of Saint Savva and its influence on the culture, development and policy of European countries. Saint Savva's work «Kormchaya» is of great importance as it is considered to be an important monument containing a set of laws for an Orthodox person.

Serbia and Russia, Saint Savva, Orthodox Church, «Kormchaya», laws.